

Автор: Татьяна Рауэр

Банкротный second hand

У доверчивости есть системность, иначе как объяснить тот факт, что склонность к избыточному, необоснованному доверию переходит от поколения к поколению. Для большинства граждан профессия юрист сродни божественному провидению. Как же так получилось, что этой профессией стали торговать?

Напротив, сидела женщина - тихая, скромно одетая, с юркими глазками и кучей ненужных «документов», рассказывая о «плохом бывшем управляющем». Какое любопытное определение - «бывший», так говорят о человеке, который был родным, но стал далёким посредством череды понятных только ему шагов.

Филия решила обхитрить банковскую систему, но всё пошло не по её плану. Мне, финансовому управляющему, достался «банкротный Second - Hand» длившийся третий год. От дела Филии отказались два судьи и один арбитражный управляющий. Это становилось интересным, потому как конкретно сейчас для меня она играла роль «обиженного юристами бесценного сокровища, которое прессуют сотрудники следственного комитета» за её ум и таланты по статье 159 УПК РФ.

Затравленный обстоятельствами человек, отказывался понимать незаконность выдвигаемых личных просьб уже на стадии реализации имущества. Сегодня она хотела «выкупить имущество то, что уже продано, закрыть дело о банкротстве, как можно скорее». Меня она слушать не желала, находясь на срыве, суматошно выдвигала версии о несправедливости и заговоре тех, кто приобретал ее имущество за скромные деньги с публичных торгов, а ведь её «квартиры, стоят гораздо дороже, ну никак сто тысяч, а минимум пятьсот»!

Понимая, что помочь ей не чем, но отвлечь было необходимостью, задала вопрос:

- Скажите, а для чего Вам было нужно столько квартир в одном доме? Вижу по документам, что Вы их выкупали одна за другой в течение нескольких лет и приводили в порядок.

Ответ поразил искренностью:

- Хотела сделать приют для пожилых людей. Вы городские не любите своих мам и пап. Выкинуть их на помойку, у вас духу не хватает. Для успокоения совести, вы готовы платить мне деньги за их уход в теплой и заботливой обстановке! У меня много таких «ненужных родителей». Я им готовлю еду, стираю одежду и включаю телевизор. У меня дочка с инвалидностью, у нее шизофрения и два внука один тоже с шизофренией, за ними уход нужен, и догляд постоянный, их здоровые-то не очень любят, то колотят, то затащить в постель норовят, а потом слухи распускают. А мне, когда на работу ходить, если я с утра до ночи в доме хозяйством занимаюсь. Вот и решила, что уж если вечно сидеть в няньках шизофреникам, то почему бы и чужим не помочь? Опять же копеечка от чужих есть, а теперь всё продано за толику малую и нет места для старичков, значит пусть за ними их детки ходят.

- Филия, а как получилось, что Вы подали на банкротство? Что побудило?

- Юрист вынудил. Я пришла за помощью. Почти год болела, лежала в больнице. Деньги в банке брала под покупку и ремонт квартир. Накопились долги. Пошла узнать, что можно поделаться в моей ситуации. Юрист сказал, что лучше обанкротиться, что можно не платить по кредитам, а довести до приставов, потом обанкротиться через «МэФэЦэ». Юрист сказал, что долг у приставов зафиксирован, проценты не будут расти, а через два месяца, пристав закроет долги по причине того, что задолженность нельзя взыскать. Юрист сразу предложил управляющего, а потом я опять болела и не знала, что уже идёт продажа залоговых квартир. Когда поняла, что происходит, было

поздно. Хотя обращалась к управляющей, но она на звонки не отвечала и ни о чём меня не предупреждала.

- Филия, так вся же информация о процедуре банкротства в открытом доступе. Неужели ни разу не посмотрели?

- Мне в деревне, только на дряхлые заборы смотреть можно, да на счетчик электричества, чтобы не отключили за неуплату! Я и не знала, где что увидеть можно, никто ничего не сказал.

В кабинете повисла тишина. Стало понятно, что передо мной отнюдь не легковерная женщина, а человек, отставший от скоростей современной жизни, не осознающий бедность собственного интеллекта, с целым ворохом деревенских заблуждений.

Внезапно она сказала:

- Куда мне с тобой тягаться! Сама -то вон, на какой машинке приехала, и дом у тебя есть, и ногти длинные, видать работой не сильно-то перегружена. Поди и мама и папа имеются, есть кому соломку подстелить, вот падать и не больно! А я всю жизнь, с утра до ночи, как проклятая! И суда тебе нет! Чистенькая! В тёплой квартирке спишь, да ягодки жрёшь! Всё моё отобрать хочешь! А ты попробуй мою жизнь поживи!

Филия вскочила, стремительно вышла из кабинета. Отчего-то обессиленная, равнодушно разглядывая черную точку на пудровой стене, неожиданно я провалилась на пять лет назад...

Изящное французское кружево непостижимым образом вписывалось в тусклую обстановку камеры следственного изолятора небольшого провинциального городка, белоснежные чулочки каким-то образом, давали больше света, чем потолочный светильник.

Я сидела на полу темницы, прижавшись спиной к ножке кровати, рассуждая об участи и чести.

Накануне моего ареста, известное чиновничье лицо торжественно обещало, что... «завтра тебя (пи-пи-пи) закроют на два дня. Через два дня (пи-пи-пи), я договорюсь, тебя закроют на полгода. А через полгода (пи-пи-пи), тебя уже никто не вспомнит. Поняла? ...(пи-пи-пи) отмороженная».

И я поняла. Поняла, что сил сопротивляться больше не имею. Шёл восьмой год нагрузочных испытаний. Всех тех, с кем взаимодействовала либо арестовали, либо похоронили, либо записали в ОПГ. Я научилась спать и улыбаться, научилась экономить и доверять интуиции.

Мой бизнес планомерно разоряли. Предприятие подверглось рейдерскому захвату. В течение многих лет работала в условиях жесточайшего преследования и прессинга. Меня закрывали в СИЗО. Объявляли в розыск девять раз. Я пережила два покушения на свою жизнь. Оплаченные кем-то средства массовой информации, своими нелепыми статьями, пытались испортить мою деловую репутацию.

Непримиримость и голод правосудия помогали держать удар за ударом, к которым не было подготовки ни моральной, ни физической.

Мне вспомнился блеск пола камеры СИЗО, диссонирующий с остальными впечатлениями. Взгляд упал на ноги. Ожидание. Шум поезда в голове – чух-вших, чух-вших. Мама! Папа! ...Отче наш, Ежи еси на небеси...

Руки сами потянулись к чулкам. Буквально сорвав их, я сделала петлю. Накинула на шею... Да святится имя Твоё... Привязала к поручню кровати ...да прибудет царствие

твоё... и вниз... Тянутся. Я ниже. Тянутся. Вот я уже сижу на полу, и понимаю, что они бы ещё и ниже растянулись... какой качественный французский капрон.

Наступившая глубокая ночь ни о чём не позаботилась - ни сна, ни голода, ни чего. Мысли хаотично бились о тыльную сторону лба. Мне тогда вспомнился образ «Христос Ярое око». Меня словно молнией пронизало. Душа приняла боевую стойку и суждения начали формироваться жестче.

От заказных уголовных дел не застрахован никто, теперь я это знала из собственного опыта. В нашем городке, силовые методы стали инструментом для решения споров власти и бизнеса. Уголовные дела против бизнесменов, как правило, не содержали состава преступлений и часто стали инициироваться конкурентами, пытающимися отобрать у предпринимателей бизнес.

Тогда утро в СИЗО приближалось быстрее усталости. С первыми петухами паника отступила, начался период ожидания если не манны небесной, то уж точно запоминающихся событий. Ближе к полудню меня повели на допрос. Я ещё не знала, что в мою защиту прошёл митинг, на котором было заявлено требование к администрации президента – отпустить! Я так же ещё не знала, что родные, друзья, сотрудники приносили цветы к СИЗО; что, просто незнакомые люди подняли бунт в СМИ, в чатах, на форумах осуждая властный беспредел.

Председатель суда был в голосе. Он сорвался на представителей закона и сообщил им следующее:

- Что вы мне принесли? Вы это видели? Вы это сами – то читали?

Судья тряс перед обвинителем пустым и даже не сшитым делом.

Фальсификаторы попытались отговориться, что времени не хватило сшить дело, что ксерокс плохо работает, поэтому пустые листы, но в них всё есть и все преступления описаны правильно. А то, что ничего не видно на бумаге, так это общая ситуация в стране.

Председатель суда в бешенстве кинул «дело» на стол и заявил:

- Вы адекватные? Как я должен догадаться, что здесь написано? Где основания для задержания по статье, по которой вообще нет санкции на арест! Вы когда стряпали это дело, в УПК вообще смотрели?

Ситуация накалялась. Было десять часов вечера. Обвинители пытались на словах рассказать о моих чудовищных преступлениях против озера, но чем больше они говорили, тем сильнее закапывали себя. В конце своих пояснений, прокурор просто замолчал. Видимо ему стало не по себе от невероятности преступных теорий.

Судья упрекал преследователей за непрофессионализм и не логичные действия. Задавая вопросы мне и моим адвокатам, судья получал конкретные ответы с доказательствами. От ответов обвинителей он терял дар речи. Основательно потерявший терпение на тактику обвинителей «вы её посадите сегодня, а мы завтра принесём доказательства», судья объявил своё решение:

- От имени Российской Федерации приношу извинения за незаконное уголовное преследование. Вы имеете право на реабилитацию. Идите домой. Пусть всё у Вас будет хорошо.

В то время от долговой пропасти меня уже ничего не отделяло. Аресты имущества и счетов, долги по зарплате работникам, долги по налогам и сборам; долги по административным штрафам, которых было немерено, ведь это такой же мерзкий инструмент чиновников, разоряющий предпринимателя, как игрушечная гильотина в клубе приколов – голову не отрубит, но ты от неожиданности обосрался; долги ЖКХ; отсутствие денег на текущие расходы. Разве не было повода объявить себя

несостоятельной гражданкой? Этого ждали конкуренты. Им важно было обесценить активы предприятия – озерные кораблики, они их так вождели. Могла ли моя купеческая родовая память позволить мне обмануться и расслабиться? Битва за имя и дело продолжалась семь тяжких лет. Именно в тот период, у меня появилась настоящая возможность сеть за учебники, создать команду юристов, консолидировать союзников, выстоять и победить.

Мне хотелось бы помочь Вам Филя! Заново отстроить Ваш домик для старичков и старушек – «ненужных родителей». Лишь потому, что я всю жизнь искала маму и папу, я сирота, Филя...